20 5/91

(548)

ЧЕТЫРЕ СЛОВА

ОГЛАСИТЕЛЬНЫЯ

КЪ

МОНАХИНѢ НА ДЕНЬ, ВЪ КОТОРЫЙ ОНА ОБЛЕКАЛАСЬ

ВЪ

АНГЕЛЬСКІЙ ОБРАЗЪ,

СОЧИНЕННЫЯ И ГОВОРЕННЫЯ 1766 ГОДА

ІЕРОМОНАХОМЪ

Никифоромъ Осотокіемъ,

БЫВШИМЪ ПОСЛѢ АРХІЕПИСКОПОМЪ

АСТРАХАНСКИМЪ и СТАВРОПОЛЬСКИМЪ.

Изданіе Казельской Введенской Оптинской Пустыни.

МОСКВА

1848.

20 5/91

ЧЕТЫРЕ СЛОВА

ОГЛАСИТЕЛЬНЫЯ

КЪ

МОНАХИНѢ НА ДЕНЬ, ВЪ КОТОРЫЙ ОНА ОБЛЕКАЛАСЬ

ВЪ

АНГЕЛЬСКІЙ ОБРАЗЪ,

СОЧИНЕННЫЯ И ГОВОРЕННЫЯ 1766 ГОДА

ІЕРОМОНАХОМЪ

Никифоромъ Ѳеотокіемъ,

БЫВШЕМЪ ПОСЛѢ АРХІЕПИСКОПОМЪ

АСТРАХАНСКИМЪ и СТАВРОПОЛЬСКИМЪ.

МОСКВА

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1848.

М 85/170

2004161643

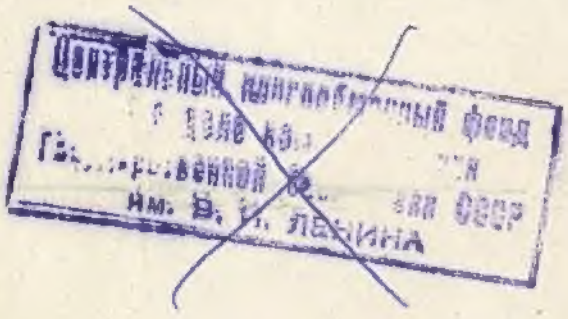
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Октября 11-го дня, 1848 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ Протоіерей Ѳеодоръ Голубинскій.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
6124-04



СЛОВО 1.

ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ КЪ МОНАХИНѢ НА ДЕНЬ,

ВЪ

КОТОРЫЙ ОНА ОБЛЕЧЕНА

ВЪ

АНГЕЛЬСКІЙ ОБРАЗЪ.

Сыне, даждь ми сердце твое.
Прит. гл. 23. ст. 26.

Зрѣлище небесное и прерадостное сегодняшній день увидѣли очи наши. Младая дѣва по возрасту, нѣжная по сложенію, благопріобыкшая по воспитанію, отвратила лице свое отъ всѣхъ суетъ человѣческихъ, отреклася всякаго покоя тѣла своего, и весь міръ, яко уметъ, презрѣла, да пріобрящетъ Создателя своего. Видите ли ее? Почти обнаженна вошла она въ сей святый храмъ, да чрезъ сіе покажетъ, что совлеклася она всякаго суетнаго мірскаго пожеланія. Власы главы своея постригла во имя Господа Бога своего, да познаемъ, что изъ любви къ Нему искоренила всѣ душевредныя похотѣнія своя. Крѣпчайшими оружіями вооружилася противъ онаго врага, который можетъ навѣтовать намѣренію ея. Возложила одежду на тѣло свое, да избѣжитъ стрѣлъ его, яко голубица. Шлемомъ главу свою покрыла, да будетъ мудра, яко змія, и внимательна къ ежедневнымъ нападеніямъ его. Препоясала чресла своя, да невозмо-

жетъ никакъ ее подвигнуть пожеланіемъ плоти. Обула ноги свои въ сандаліи, да не возможетъ ее совратить съ пути добродѣтели. Вся одѣлась въ мантію, да покажетъ, какъ она всю себя умертвила, чтобъ жить купно со Іисусомъ Христомъ. Взяла державное оружіе Креста, да потребитъ всю силу врага, и всѣ искушенія его. Какъ мудрая дѣва держитъ теперь возжженную свѣщу въ рукахъ своихъ, чѣмъ являетъ свѣтъ добрыхъ дѣлъ своихъ, да видятъ ихъ человѣки и прославятъ Бога. Честная дѣво! блаженна твоя мысль, чудно твое предпріятіе. Возвеселила ты души наши отвѣтами, даваемыми тобою, и обѣщаніями Богу сдѣланными. Ты ищешь Христа, хочешь быть Его невѣста: для того ты удалилась отъ сродниковъ, отлучилась отъ дому родителей твоихъ, оставила міръ и заключилася въ сей священной обители. Іисуса Христа ты ищешь: не трудно твое исканіе: одной вещи хочетъ Онъ отъ тебя, и ежели ты ее подаришь Ему, то Онъ готовъ обручить Себѣ тебя и обнять тебя. Вещь сія не трудная, которую Онъ требуетъ отъ тебя, не нужны здѣсь поты и труды: Онъ требуетъ сердца твоего. Сыне, даждь ми сердце твое. Но сердца не тѣлеснаго: понеже Богъ ни земля, ни перть, Онъ требуетъ сердца души твоея, то есть ума твоего: ибо Богъ есть духъ. Сыне даждь ми сердце твое. Ежели ты посвятишь Ему умъ твой, Онъ придетъ тотчасъ и соединится съ душею твоею. О семъ хочу предложить тебѣ; ибо это цѣль иноческой жизни, которую ты рѣшилась проходить.

Для чего иноки бѣгутъ отъ міра, и удаляются отъ обществъ? Для чего скрываются въ пустынѣ и заключаются въ монастыряхъ? Ежедневно постятся, ежедневно бодрствуютъ, ежечасно преклоняютъ колѣна своя? Молитва — дѣло ихъ, послушаніе — упражненіе ихъ, смиреніе — раченіе ихъ. Любовію украшаются, чтеніемъ питаются, слезами напояваются. Уд-

рученіе есть ежедневный ихъ урокъ; но какой конецъ ихъ? Какая цѣль ихъ? Высокая цѣль и славная, чудный конецъ и превожделѣнный: они, съ Апостоломъ Павломъ, хотятъ, да не живутъ болѣе они, но да живетъ въ нихъ Христосъ. »Живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ а).« Хотятъ всегда въ соединеніи со Іисусомъ Христомъ быть благополучными. И сія есть цѣль ихъ.

Но посмотрите, что многократно случается. Нѣкоторые изъ монашествующихъ посвящаютъ Богу всѣ поты тѣлесные и труды свои: но умъ свой оставляютъ въ суетѣ и пристрастіи къ міру. Они думаютъ, что живутъ монашескою жизнію, но обманываются бѣдные. Христосъ въ душу ихъ не приходитъ. Богъ есть духъ, и хочетъ, что-бы духомъ Ему кланялися, кои хотятъ стяжать Его. »Духъ есть Богъ; и иже кланяются Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися б).« Кто не посвятитъ Ему умъ свой, ни какъ не возможно, чтобъ съ Нимъ соединился Которые возносятъ духъ свой къ Богу, тѣ приносятъ жертву истинную: жертва Богу духъ сокрушенъ в). Какъ Онъ увидитъ таковую жертву, бываетъ тотчасъ женихомъ души того, который Ему ее приноситъ. Приноситъ жертву Авель Богу, приноситъ жертву и Каинъ; дары Авелевы принялъ Богъ: призрѣли очи Божіи на Авеля: »Призрѣ Богъ на Авеля и на дары Его.« Но никакого вниманія не оказалъ на жертву Каинову, отвратилъ лице свое отъ суетнаго дыма жертвы Его, не восхотѣлъ совсѣмъ видѣть Каина. »На Каина же и на жертвы его не внятъ.« А почему? Оба они были братія, и оба съ благоговѣніемъ жертву свою приносили Богу. Каинъ приносилъ Богу плоды земные: »Принесе Каинъ отъ плодовъ земли жертву Богу.« Авель Ему приносилъ первород-

---

а) Галат. 2. ст. 20. б) Іоан. 4. ст. 24. в) Псал. 50. ст. 19.

ныхъ овецъ своихъ: »и Авель принесе и той отъ первородныхъ овецъ своихъ« а). Одинъ Ему приносилъ вещи мертвыя, плоды земные: другой приносилъ Ему живыя вещи, первородная овецъ. Каинъ посвящалъ Ему вещи бездушныя: Авель жертвоприносилъ Ему вещи одушевленныя. Обѣ жертвы были: но Авель, когда хотѣлъ принесть жертву, — избралъ лучшія вещи изъ всѣхъ, сколько имѣлъ. И Каинъ приносилъ жертву: но принесъ Богу хуждшее изъ всего, что у него было. И такъ тотъ инокъ, который ничего не дѣлаетъ, какъ только бодрствуетъ и постится, приноситъ Богу вещи мертвыя, плоды земные и тѣлесные. А тотъ, который посвящаетъ умъ свой Богу, приноситъ Ему дары живые, жертву одушевленную и невещественную. Инокъ, который удручаетъ только тѣло свое, приноситъ Богу даръ бездушный и тлѣнный: а тотъ, который очищаетъ духъ свой, жертвоприноситъ Богу всесожженіе одушевленное, а не мертвое. Инокъ, который приноситъ Богу тѣлесные только поты, не даетъ Богу лучшаго, что имѣетъ. Инокъ, который приноситъ Богу освященіе духовное, дароноситъ уже Ему избраннѣйшую вещь изъ того, что Богъ благоизволилъ ему дать. Инокъ, который приноситъ Ему труды тѣлесные, съ нечистымъ сердцемъ, приноситъ жертву подобную жертвѣ Каиновой. Почему совсѣмъ не внемлетъ Богъ на таковую жертву, отвращаетъ отъ него лице свое. Инокъ, который Ему дароноситъ чистоту духа, приноситъ жертву подобную жертвѣ Авелевой: и Богъ внемлетъ на нее, принимаетъ ее, призираетъ на лице приносящаго, и входитъ въ сердце его.

И древніе Израильтяне помыслили нѣкогда, что Богъ хощетъ жертвъ тѣлесныхъ, а не чистоты душевной. Почему возлагали на олтарь тельцовъ, прино-

---

а) Быт. 4. ст. 4. и слѣд.

сили Багу семидалъ и θѵміамъ, воздѣвали руки и просили Его; но сердце ихъ не было посвящено Ему, было исполнено злобы. И Богъ призываетъ Исаію и говоритъ ему: поди, скажи людемъ, что все сіе тщетно: я никогда отъ нихъ того не требовалъ. Я требую чистоты душевной, а не всесожженій и жертвъ. Пришелъ Пророкъ, и ставъ среди всего народа, возопилъ: услышите слово Господне! Что ми множество жертвъ вашихъ? кто бо изыска сія изъ рукъ вашихъ? Аще принесете ми семідалъ, всуе: кадило,— мерзость ми есть: поста, и праздности, и новомѣсячій вашихъ ненавидитъ душа моя: егда прострете руки (ваша) ко мнѣ, отвращу очи Мои отъ васъ: и аще умножите моленіе, не услышу васъ. Отъимите лукавства отъ душъ вашихъ а) И такъ какую пользу имѣетъ монашествующій, когда постится, а душо его исполнена злобы? когда празднуетъ, а духъ ега прилѣпленъ къ мірскимъ попеченіямъ? Какая польза бодрствовать, и имѣть умъ обремененный лукавыми помышленіями? Какая польза молиться устами, и позволять уму своему бродить туда и сюда? Кто бо изыска сія изъ рукъ вашихъ? Таковый лицемѣрный молитвенникъ воздѣваетъ руки свои къ Богу, и Богъ отвращаетъ очи свои отъ него. Онъ продолжение молится, и Богъ его не слышитъ. Отъимите лукавства отъ душъ вашихъ. Изгони изъ души твоея, пустыниче, лукавыя воспоминанія, изжени превозношеніе изъ ума твоего, извергни изъ сердца твоего злую похоть: отъимите лукавства отъ душъ вашихъ. Плодоприноси плоды духа твоего, каковы суть (какъ говоритъ Божественный Апостолъ): «любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кро-

---

а) Исаіи I. ст. 11 и слѣд.

тость, воздержаніе« а). Посвяти душу твою Богу, и тогда Онъ съ тобою соединится.

То, что мы говоримъ, весьма ясно видимъ и въ Священномъ Писаніи Приходитъ нѣкогда Бого-человѣкъ Іисусъ въ Виѳанію, и тамъ двѣ женщины принимаютъ Его въ домѣ своемъ, чтобъ угостить. Одна (Мароа) бѣгаетъ туда и сюда, служитъ, приготовляетъ все нужное: „Мароа же молвяше о мнозѣ службѣ.« Другая (Марія), оставя всякое дѣло, сидитъ у ногъ Богочеловѣка, и совершенно во всемъ посвящаетъ умъ свой на слушаніе слова Его: »сѣдши при ногу Іисусову, слыщаше слово Его« б). Мароа надѣялась, что угодна будетъ Іисусу Христу добродѣтель, которую она оказывала, и что Онъ будетъ послѣ благодарить за трудъ ея. Она думала, что Богъ требуетъ стола и службы тѣлесной. Она мыслила, что сестра ея ничего не дѣлаетъ, но всуе время свое теряетъ. Желая, чтобы и сестра ея участвовала во мздѣ, пришла она и предстала предъ Господомъ. Господи, говоритъ Ему, ужели ни мало не печешься, что сестра моя оставила меня одну Тебѣ служить? „Господи небрежеши ли, яко сестра моя едину мя остави служити? рцы убо ей, да ми поможетъ.« И Господь вмѣсто того, что бъ ее благодарить, обличаетъ ее. Іисусъ ей говоритъ: что ты безпокоишься и смущаешься о скорѣйшемъ исправленіи всѣхъ домашнихъ вашихъ дѣлъ? »Мароо, Мароо, печешися и молвиши о мнозѣ: едино же есть на потребу.« Одно дѣлать нужно дѣло, которое дѣлала Марія. Видишь ли ее? она избрала добрую часть: Она принесла Мнѣ великую жертву, посвятила умъ свой на то, чтобъ слушать слово Мое, и Мнѣ подарила душу свою. »Марія же благую часть избра, яже не отъимется отъ нея.« в). Вотъ явный

а) Гал. 5, 22. б) Лук. 10 ст. 40 и 35. в) Лук. 10. ст. 40 и слѣд.

примѣръ, въ коемъ Богъ намъ предлагаетъ, что хощетъ Онъ, дабы мы Ему посвятили умъ и сердце, да Онъ будетъ весь нашъ.

Невѣста въ Пѣсни Пѣсней, которая есть душа добродѣтельная, и ночь и день въ умѣ своемъ имѣла Жениха своего. Сіе происходило отъ многой любви, котурую она къ нему имѣла. »На ложи моемъ въ нощехъ искахъ, Его же возлюби душа моя.« Никогда не выходилъ изъ памяти ея Тотъ, Коего имѣла заключеннымъ во внутреннихъ глубинахъ сердца своего. Сіе происходило отъ великой любви, которою она была къ Нему преисполнена. »Его же возлюби душа моя: удержахъ и не оставихъ Его, дондеже введохъ въ домъ матере моея, и въ чертогъ заченшія мя« а). И такъ любовь возводитъ умъ нашъ къ Богу, и любовь опять Бога въ насъ низводитъ. Любяй мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ: и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ б). Посему добрый подвижникъ, который пригвождаетъ умъ свой къ Богу, бываетъ жилище Божіе, сосудъ Святаго Духа, пріятелище Іисуса Христа. Богъ повелѣваетъ ему, что бъ любилъ его, изволяя пріити въ душу его.

И сіе вы сами многократнымъ дознаете опытомъ. Случалось ли когда нибудь вамъ поститься, бдѣть, молиться безъ прилѣпленія къ Богу ума вашего? Тогда никакого удовольствія, никакой радости не приходило въ душу вашу: тогда вы ничего не чувствовали, кромѣ труда и усталости. И знаетели, почему? Поелику дѣло ваше не восходило на небо, чтобъ низвести благодать Божію въ сердце ваше. Оно осталося мертвымъ и бездѣйственнымъ, возвратилося внутрь васъ безъ плода. Посмотрите опять когда или

а) Пѣсн. Пѣсн. 5. ст. 1 и 4. б) Іоан. 14, ст. 21.

молитесь, или поете, или читаете, и умъ вашъ прилѣпленъ къ Богу; тогда радости и веселія исполняется душа ваша, какая-то сладость и восхищеніе небесное объемлетъ всѣхъ васъ. Почему, какъ кадило благопріятное, предъ Бога восходитъ дѣло ваше, низходитъ благодать Духа Святаго въ сердце ваше, Богъ внутрь васъ приходитъ.

Душа моя пребѣдная, почто не отдаешь ума твоего Создателю, дабы сыскать добрый бисеръ, подобно доброму Евангельскому дѣлателю? Творче мой Господи, почто не посвящаю Тебѣ я умъ свой, чтобъ быть мнѣ сосудомъ Твоимъ, чтобъ сохранить въ себѣ честное мyро благодати твоея? Отдай Ему, сестро моя, умъ твой, посвяти всѣ помышленія твои Іисусу Христу, жениху Твоему. Взирай на Него умственно, яко на малаго Младенца, который въ вертепѣ плачетъ, и вскорѣ умолкнутъ твои глупыя младенческія мудрованія плоти. Взирай на Него въ постланной горницѣ, яко на худѣйшаго раба, умывающаго ноги учениковъ Своихъ, и тотчасъ усмиришь всякую гордую мысль души твоея. Взирай въ вертоградѣ, яко на послушника Отцу Своему даже до смерти, смерти же крестныя; отсюду научишься повиноваться настоятельницѣ твоей. Естьли ты Его вообразишь себѣ въ пустынѣ, то будешь поститься. Буде ты Его увидишь на горѣ Елеонской, то станешь молиться. Естьли ты узришь Его на крылѣ церковномъ, то побѣдишь врага. Естьли ты вспомнишь, что Онъ чудодѣйствовалъ: то будешь человѣколюбива. Увидишь ли Его умомъ своимъ, какъ Ему въ преторѣ ругаются, заушаютъ, бьютъ, плюютъ въ лице, тѣло ранами исполняютъ, терніемъ увѣнчаваютъ главу: то отъ примѣра сего научишься терпѣть съ радостію всякую скорбь и тѣсноту иноческаго житія. А иногда простри умственной взоръ до Голгоы: увидишь, какъ виситъ Онъ, распятъ между двухъ разбойниковъ, яко злодѣй, разбойникъ, будучи праведный Царь и Со-

здатель всего. Христе мой (скажи Ему въ умѣ своемъ) распятый, Христе мой Царю, за грѣхи души моей симъ терніемъ главу Твою уязвляютъ; за грѣхи плоти моея уязвлена плоть твоя, и совсѣмъ растерзана! Христе мой Царю, понеже не чувствительно и жестоко сердце мое, для того жестокое копіе прободаетъ животворящее ребро Твое! Сія говори во умѣ твоемъ, и тогда увидишь, какъ наполнятся очи твои духовными жемчужинами: ибо какъ изъ источниковъ изливаются воды, такъ потекутъ слезы изъ глазъ твоихъ. Послѣ слезъ сойди потомъ во гробъ Его, увидишь Его тамо мертва и бездыханна: гробъ Ему дастъ Іосифъ, муро приносятъ Ему мироносицы, слезы льетъ Матерь Его: ты же положи въ сердцѣ своемъ, никогда Его не забывать. Увидишь нѣкогда и то, какъ Онъ пріидетъ судить міру. Вострубятъ трубы, сойдутъ Ангели, востанутъ мертвые, пойдутъ въ срѣтеніе всѣ человѣки сущіе отъ вѣка. Тысящи тысящъ Ангеловъ, тьмы темъ Архангеловъ окружатъ Его, и предъидетъ Крестъ. Книги разгнутся, дѣла обличатся, тайная откроются, Святые возрадуются и грѣшники восплачутъ. Узришь тогда Жениха твоего, колико тихъ и сладокъ Онъ къ праведнымъ: поставитъ ихъ одесную, сотворитъ ихъ царями, да царствуютъ въ безконечномъ Его Царствіи. Но къ несчастнымъ грѣшникамъ будетъ ужасенъ и неумолимъ, пошлетъ ихъ въ пламень вѣчно мучиться всегда и присно. О сихъ Божественныхъ дѣлахъ всегда помышляй: представляй себѣ Іисуса Христа, Творца и Создателя твоего. Ходишь ли? Христосъ да будетъ въ умѣ твоемъ: ѣшь ли, пьешь ли, говоришь ли, молчишь ли, въ рукодѣліи ли упражняешься: Христосъ всегда да будетъ въ умѣ твоемъ. Въ ночи и во дни, всякой часъ, всякую минуту Іисуса Христа имѣй въ памяти твоей: изобрази Его въ умѣ твоемъ изображеніями любви: поелику тогда не найдетъ мѣста лукавая мысль для пребыванія въ немъ и осквер-

непія души твоей. Запечатлѣй въ сердцѣ твоемъ печатьми благоговѣнія и смиренія: ибо тогда не можетъ войти злое похотѣніе и повредить волю твою. Іисусъ Христосъ да будетъ утѣшеніе въ скорбехъ твоихъ, терпѣніе въ искушеніяхъ твоихъ, сила въ дѣлахъ твоихъ. Яко да «будетъ Богъ всяческая во всѣхъ» а), какъ говоритъ Божественный Апостолъ. Христосъ да будетъ мысль твоя, упражненіе твое, помышленіе твое, дыханіе твое: ибо такимъ образомъ всегда пребудешь въ любви его: и тако Онъ пребудетъ въ сердцѣ твоемъ: и пребывая въ сердцѣ твоемъ, блаженною сотворитъ тебя на небеси. Онъ поставитъ тогда тебя одеспую Его, яко царицу въ ризѣ позлащенной дѣвства твоего, одѣяшую въ православную вѣру твою, преспещренную всѣми красотами добродѣтелей твоихъ. Да радуешися со всѣми отъ вѣка святыми неизреченною радостію, въ томже Христѣ Господѣ нашемъ, Емуже слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

а) I. Кор. 15. ст. 28.

СЛОВО 2.

ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ НА ТОТЪ ЖЕ СЛУЧАЙ.

Иго бо мое благо; и бремя мое легко есть.
Мат. гл. XI, ст. 30.

Всевышній Творче! поистинѣ сладчайшія меда суть всѣ Божественныя словеса твоя. Словеса Твоя паче меду устомъ моимъ (а). Святыя заповѣди Твои (Самъ Ты намъ сіе изрекъ) суть всѣ небесны и духовны, всѣ имѣютъ силу живота вѣчнаго. Глаголы, яже азъ глаголю, духъ суть и животъ суть (б). Такъ почтожь называешь ты ихъ игомъ? почто называешь ихъ бременемъ? «Иго бо мое благо, и бремя мое легко есть.» Сія честная дѣва уразумѣла, яко Петръ, что Ты имѣешь глаголы жизни безконечныя. Почему презрѣла весь міръ, да послѣдуетъ Тебѣ: облеклась въ Ангельскій образъ, да всю себя посвятитъ въ возлюбленныя селенія Твоя: однако ее устрашаетъ имя ига, въ ужасъ приводитъ ее названіе бремени. Пусть иго есть благое и трудъ сносный: но совсѣмъ тѣмъ всякій съ прискорбіемъ преклоняетъ выю свою подъ иго. Пусть не велика тяжесть, но поелику, она есть бремя, то каждый отягощается носить ее. О честная душа! не должно смущать тебя имя ига и бремени. Сіе есть нѣкоторое подобіе и образъ, посредствомъ котораго Богъ хотѣлъ показать намъ совершенство Христіанскаго подвижника. Когда земледѣлецъ впряжетъ вола въ ярмо, конечно онъ уже покорилъ хо-

(а) Псал. 118 ст. 103. (б) Іса. 6, ст. 63.

тѣніе его: волъ уже не имѣетъ воли своей, всѣ движенія его въ повиновеніи у земледѣльца. Когда человѣкъ восхочетъ взять на рамена свои бремя, конечно онъ отдаетъ волю свою, покоряетъ волю свою подъ тяжесть бремени. Когда убо Іисусъ Христосъ называетъ иго и бремя, то хощетъ чрезъ сіе научить насъ совершенному послушанію, послушанію, которое надобно имѣть послѣдователямъ Его. Сія добродѣтель есть преладостна и легка тому, кто ее стяжалъ. Послушаніе есть добродѣтель, безъ коей монашествующему не возможно ходить путемъ добродѣтели и совершенства. Я теперь предлагая, что̀ есть инокъ, и какое житіе его, далѣе покажу, что послушливый инокъ есть инокъ совершенный.

Два состоянія получило человѣческое естество: состояніе невинности въ раю до преступленія, и состояніе грѣховное по содѣланіи преступленія, каковое состояніе усилилось наипаче здѣсь въ мірѣ. Когда человѣкъ былъ въ раю, тогда естество его было какъ земля, которая ежедневно возращала многоразличные цвѣты добродѣтели. Какъ скоро человѣкъ изгнанъ былъ изъ рая, то, по собственной винѣ его, превратилось его произволеніе, переменилась мысль его: терніе и волчцы грѣховные произращаетъ ежечасно его природа. Тогда воля человѣческая склонялась вся къ добру. По сему самому, что̀ тогда человѣкъ совершалъ съ великою легкостію, то нынѣ совершаетъ съ великимъ трудомъ Надобно теперь человѣку много принуждать себя къ тому, дабы онъ могъ стяжать малую добродѣтель: а въ то время безъ всякаго принужденія всякою добродѣтелію онъ украшался. Тотъ, который списалъ лѣствицу добродѣтелей, Іоаннъ, говорю, учитель монашескаго житія, видя, что монашествующихъ жизнь есть избраніе добродѣтельнаго общества, и обѣщаніе, которое даетъ инокъ, есть обѣщаніе жить богоугодно и свято, и зная, что тотъ, кто хочетъ исполнять добро-

дѣтель, имѣетъ препятствіемъ свое естество, опредѣлилъ, что монахъ не что иное есть, какъ безпрерывное и непрестанное понужденіе природы. Инокъ есть понужденіе естества всегдашнее. Разумное и премудрое по истинѣ есть сіе опредѣленіе, и столь истинно, что мнѣ кажется, Духъ святый внушилъ его Іоанну. Наша природа требуетъ пищи, а инокъ — поста. Здѣсь понужденіе потребно, да побѣдитъ хотѣніе природы. Природа наша требуетъ сна и покоя, а инокъ долженъ бодрствовать, и себя изнурять трудами. Понужденіе здѣсь потребно, да отсѣчетъ плотскія желанія. Всякую минуту человѣческая природа склоняетъ къ безпорядочнымъ пожеланіямъ: а инокъ долженъ имѣть себя чистымъ отъ всякаго грѣха. Требуется безпрестанное понужденіе здѣсь, дабы истребить злую похоть плоти, и насадить въ нашемъ естествѣ волю Божію. Инокъ есть понужденіе естества всегдашнее.

Но кто есть мужественный подвижникъ, который бы стоялъ всегда вооруженъ на порабощеніе естества своего и умерщвленіе похоти своей? Самолюбіе наше побѣждаетъ благую волю, и сладость страстей плѣняетъ душу нашу. Чтобъ сдѣлать должное понужденіе себѣ самимъ, надобно, дабы были мы премудры и весьма разсудительны, отъ страстей непискушаемы, и во всякой добродѣтели совершенны.

Всегда несовершенъ пребываетъ тотъ, кто думаетъ, что онъ самъ есть доволенъ для руководствованія самаго себя. Сегодня предваряетъ умъ его стремленіе страстей, и съ нуждою побѣждаетъ ихъ: а завтра страсти предускоряютъ умъ его, и порабощаютъ его своей власти. Сегодня онъ умѣренно понуждаетъ естество свое и пребываетъ въ добродѣтели: заутра понуждаетъ его чрѣзмѣрно, и превосходитъ предѣлы добродѣтелей, между тѣмъ какъ добродѣтель въ чрезмѣрность не простирается, но въ умѣренности заключается. И такъ потребенъ другой ру-

ководитель, а не мы сами. Мы не должны никогда вручать самимъ себѣ таковое начальство; другому руководителю надобно намъ посвятить волю свою, и ему повиноваться, а не себѣ самимъ. Ибо онъ, какъ никогда не увлекается сладостію страстей нашихъ, и какъ не чувствуетъ самолюбія, которое обладаетъ нашею душею, имѣетъ спокойный умъ въ разсужденіи насъ, понуждаетъ насъ ежедневно со вниманіемъ и весьма умѣренно, и такъ ведетъ насъ путемъ спасенія. Ясно всякій видитъ, что послушаніе есть то, что направляетъ насъ на путь совершенства. Дикое дерево, которое въ лѣсахъ находится, какъ никто не воздѣлываетъ его, какъ никто не окапываетъ его, никогда не приноситъ вкусныхъ плодовъ, или и совершенно остается безплоднымъ. Плоды его не хороши вкусомъ, видомъ непріятны, никакой сладости не имѣютъ. Инокъ, который находится въ пагубномъ непослушаніи, никогда не имѣетъ ученія, лишенъ всякаго руководства духовнаго; отъ чего иногда творитъ добродѣтель, иногда же пребываетъ не имущь исправленій ея. Добродѣтели его суть не тверды, несовершенны, не имѣютъ Божіей благодати. Воздѣланное дерево, которое бываетъ въ садахъ и которое земледѣлецъ поливаетъ, и о коемъ весьма печется, воздаетъ всегда плоды, которыхъ цвѣтъ прекрасный, и вкусъ пріятный и здоровый. Душу иночествующаго находящагося въ послушаніи, увѣщаніе Настоятеля всякій день поощряетъ, сердце иночествующаго словомъ Настоятеля всякій часъ возбуждается отъ сна: для того и плодоприноситъ онъ совершенныя благодатныя добродѣтели.

Я разсуждаю о жизни монашествующихъ, и о жизни двухъ нашихъ прародителей и вижу въ сихъ двухъ обществахъ превеликое сходство. Богъ сотворилъ двухъ человѣковъ и оставилъ ихъ въ раю, да провождаютъ жизнь безстрастную и безгрѣшную. Когда Богъ сошелъ на землю, уставилъ монашеское

житіе, да живуть паки человѣки и здѣсь на земли жизнію подобною той, которою жили прародители въ раю. Монастырь есть рай, а потому онъ есть мѣсто молитвы и славословія и другаго благоугоднаго исправленія. Сущіе во Христѣ братія суть Ангелы, потому что пріемлютъ жизнь подобную жизни Ангельской; а Настоятель монастыря занимаетъ мѣсто Бога. Слѣдовательно послушаніе, которое показываютъ иноческствующіе своему Настоятелю, относится къ Богу. »Слушаяй васъ, Мене слушаетъ: и отметаяйся васъ мене отметается« (а). Доколѣ Адамъ былъ безстрастенъ и совершенъ, дотолѣ имѣлъ повиновеніе къ Богу: доколѣ Адамъ жилъ жизнію святою и безгрѣшною, дотолѣ послушливъ былъ Божію повелѣнію. Подобно и монахъ, доколѣ имѣетъ добродѣтель послушанія, имѣетъ и совершенство: доколѣ покаряется Начальнику, дотолѣ живетъ жизнію весьма богоугодною и святою. Когда Адамъ изгнанъ былъ изъ рая? когда потерялъ благодать Божію? когда сдѣлался грѣшникомъ? когда снишелъ въ сію страстную и грѣшную жизнь? Тогда, какъ преслушалъ Божіе повелѣніе. Сіе прилично сказать и о монашествующемъ. Какъ только убѣгнетъ онъ отъ послушанія, тотчасъ бѣжитъ отъ него благодать Божія. Какъ скоро отступитъ отъ повиновенія, вдругъ сдѣлается уже несовершеннѣе новопачальнаго. Какъ скоро сдѣлается непокорливымъ, тогдажъ отдаляется отъ цѣли иноческаго совершенства.

И для того Осодоръ Студитъ, Ефремъ и Исаакъ Сирскіе, Макарій Египетскій и Лѣствичникъ Іоаннъ всѣ согласно намъ сказуютъ, что толикое имѣли послушаніе древніе иноки къ настоятелямъ своимъ, что многократно имѣли нужду внѣ выйти, но не выходили безъ позволенія старца своего: жаждали,

(а) Луки 10. ст. 16.

но не смѣли утолить жажду свою чашею воды, естьли прежде не дасть имъ благословенія наставникъ ихъ. Многократно желали говорить какое либо слово духовное и нужное: но не дерзали, естьли не получили прежде на то позволенія отъ своего настоятеля. По сему видимъ въ исторіяхъ первенствующихъ монаховъ, которыя собралъ Лавсаикъ, что такую оказывали древніе монахи покорность къ настоятелю, какую имѣли къ словесамъ самаго Евангелія. Толикое почтеніе имѣли къ начальнику, что, когда предстояли предъ нимъ, думали, будто видятъ Іисуса Христа. И симъ послушаніемъ достигли до толикаго совершенства, что содѣлались одушевленные образы всякой добродѣтели, сосуды многоцѣнные святыни, муромъ исполненные. Иные стяжали благодать прозорливости: другіе имѣли силу чудотворенія, всѣ по смерти благоухали вонями духовными и небесными.

Начало — вождь и первый учитель сего чуднаго общества есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, единородный Сынъ Божій, съ небесъ сшедый человѣческаго ради спасенія. Онъ дѣятельнымъ досточуднымъ примѣромъ положилъ основаніе небеснаго житія монашескаго. Онъ первый дѣятельный законоположникъ: въ вертепѣ пустынномъ восхотѣлъ родиться, да покажетъ, что первое начало добродѣтельнаго расположенія есть убѣжаніе отъ міра, и совершенное отчужденіе отъ суеты, которая прельщаетъ человѣковъ: онъ на горѣ особенно молится, дабы показать, что тишина возводитъ умъ на небо, безмолвныя мѣста весьма приличны для молитвы. Когда восхотѣлъ постится сорокъ дней и нощей, тогда удалился отъ градовъ, вселился въ пустыню, и симъ ясно показалъ, что пустыня есть источникъ воздержанія, дѣлателище добродѣтелей. Проходилъ подлинно Богочеловѣкъ города и веси, дабы распространить свѣтъ Богопознанія, и истребить тьму нечестія: но со всѣмъ тѣмъ имѣлъ

общія вещи купно съ двѣманадесять Апостолами своими, и провождалъ жизнь, якобы былъ въ какой-либо обители. И какъ Іисусъ Христосъ есть началовождь, основаніе первообразное и первый наставникъ жизни монашествующихъ, то имѣемъ долгъ прилѣжно размышлять о цѣлой жизни Его, и узнавать жизни Его конецъ. Іоаннъ, напереснкъ и возлюбленный ученикъ, въ откровеніи видѣлъ книгу, которую никто не могъ прочесть: »никто же, ни на небеси, ни на земли, ниже подъ землею, возможе разгнути книгу, ниже зрѣти ю« (а). Книга сія являла воплощеніе единороднаго Сына Божія, которое ни человѣки, ни демоны, ни Ангели не могли понять. Въ началѣ таинственной сей книги, объявляетъ намъ царствующій Пророкъ, была писана добродѣтель послушанія. »Въ главизнѣ книжнѣ писано есть о мнѣ: еже сотворити волю Твою Боже мой« (б). Іисусъ Христосъ, яко Богъ, былъ премудрый и пресовершенный, не имѣлъ нужды въ ученіи, не требовалъ руководства. И чему могли учить его люди, къ какой добродѣтели побуждать? Онъ наставляетъ людей въ добродѣтели, Онъ просвѣщаетъ умъ нашъ въ совершеніи добрыхъ дѣлъ. Но привсемъ томъ жилъ въ послушаніи у Іосифа и Матери Своей. »И бѣ повинуяся има« (в). Оказывалъ покорность приказанію Іосифову, дѣлалъ послушаніе волѣ Матери Своей. »И бѣ повинуяся има.« То, что говорилъ Іосифъ, исполнялъ Іисусъ: то, что приказывала Матерь, Сынъ дѣлалъ тотчасъ. »И бѣ повинуяся има.«

Великій примѣръ есть сей монашествующимъ, дабы не отговаривалися, что не имѣютъ совершенной покорности за тѣмъ, что не находятъ совершеннаго настоятеля. Разсудите, иноки, о совершенствѣ Іисуса

(а) Апок. 5, ст. 3.

(б) Псал. 39, ст. 9 и 10. (в) Лук 2, ст. 51.

Христа, и о совершенствѣ Іосифа и Матери Его, и найдете толикое различіе, коликое находится между Богомъ и человѣкомъ. И при всемъ томъ Богочеловѣкъ Іисусъ »бѣ повинуяся имъ.« Сей великій примѣръ для пустынножителей, да научатся, что повиновеніе имъ помогаетъ достигать въ мѣру добродѣтели, которая доходитъ до совершенства. Іисусъ Христосъ имѣлъ свободную и самовластную волю человѣчества Своего: но добровольно и охотно всю ее покорилъ въ волю Божества. Видѣлъ весь міръ совершенство послушанія Его, когда приближилося время, въ которое Онъ имѣлъ вкусить страданія, и испить горькую чашу смерти Своея. Всѣ страданія Его предъ очами Его представлялися. Видѣлъ заушенія и поруганія, оплеванія и біенія, хулы и бичебіенія. Зрѣлъ терновый вѣнецъ и раны всего тѣла Своего, крестъ, гвоздіе, желчь и оцетъ. Страхъ окружалъ Его, истекала кровь: но строго держался послушанія; послушаніе никогда не оскудѣло въ его сердцѣ. Однако «не яко же азъ хощу (говорилъ Богу и Отцу Своему): но яко же Ты. »Пусть Я боюсь, яко человѣкъ, пусть подвигъ обдержитъ Мя, пусть течетъ сія кровь: но со всѣмъ тѣмъ да не будетъ воля Моя, но твоя должна быть воля. Однако «не моя воля, но твоя да будетъ« (а). Сіе есть превосходное послушаніе, сіе послушаніе совершенное. Былъ послушливъ Богу и Отцу Своему даже до смерти. »Послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя« (б). И такъ послушаніемъ Онъ началъ жизнь свою. »И бѣ повинуяся има.« И въ послушаніи окончилъ предѣлъ жизни Своея. Послушливъ былъ даже до смерти, смерти же крестныя Какъ же можно постнику жить въ монашескомъ обществѣ безъ добродѣтели послушанія? Іисусъ Христосъ, Который узаконоположилъ жизнь иноческую, жилъ

(а) Луки 22, ст. 42. (б) Филип. 2, ст. 8.

съ послушаніемъ, и ради послушанія умре. Подобаетъ убо иночествующему жити съ послушаніемъ, подобаетъ и жизнь свою окончить подъ послушаніемъ. Послушаніе есть первый степень и основаніе во всѣхъ дѣлахъ черноризца. Послушаніе есть свѣтъ, который путеводствуетъ къ добродѣтелямъ: послушаніе есть весна, пускающая отрасли добрыхъ дѣлъ; послушаніе есть солнце, освѣщающее красоту добродѣтелей. Безъ солнца все темно и невидимо: безъ послушанія всѣ добродѣтели суть не совершенны и не тверды.

Честная дѣво! ты взяла благое иго, и бремя легкое возложила на рамена свои. Послушаніе есть все твое обѣщаніе. Оно показуетъ, что ты хощешь подражать Жениху твоему Христу, и первому учителю и учредителю жизни, которую вознамѣрилась ты проходить. Оно, возводя тебя на высокія горы совершенства, украситъ святыми правами. Запечатлѣй въ сердцѣ твоемъ послушаніе, яко нѣкую драгоцѣнность. Посему легокъ и сладостенъ тебѣ будетъ путь добродѣтели. Послушаніе превознесло Жениха твоего, какъ удостовѣряетъ насъ небошественный Апостолъ: »Тѣмже и Богъ его превознесе« (а). Послушаніе вознесетъ и тебя въ безсмертную славу Божію, и въ прерадостнѣйшее блаженство. Аминь.

(а) Филип. 2, ст. 9.

СЛОВО 3.

ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ НА ТОТЖЕ СЛУЧАЙ.

Дамъ имъ въ дому моемъ и во оградѣ моей
мѣсто именито, лучшее сыновъ и дщерей.
Исаіи гл. 56, ст. 5.

Великіе подвиги; великая и награда. Славное дѣло; свѣтлый и вѣнецъ. Люди или потому, что помрачены страстьми, или потому, что ослѣплены своимъ невѣжествомъ, многократно не воздаютъ за труды людей достойной награды: но всесовершенный Богъ съ великимъ вниманіемъ зритъ на дѣло каждаго, со всею точностію цѣнитъ его всѣ обстоятельства, дѣла взвѣшиваетъ, и достойную пріуготовляетъ славу за всякій подвигъ.

Весьма высокое дѣло есть монашеское житіе, предпріятіе въ исполненіи весьма трудное. Оно не таково, чтобы всѣ могли оное предпринимать. »Не всѣ вмѣщаютъ словесе сего.« Тѣ только, которые имѣютъ— большое усердіе и силу, могутъ совершить его. »Могій вмѣстити, да вмѣститъ« (а).

Для того Господь чрезъ велегласнѣйшаго Исаію ясно всѣмъ проповѣдывалъ, что въ небесномъ Іерусалимѣ, въ стѣнахъ невидимаго града, оно имѣетъ избранное мѣсто, лучшее того, которое уготовано для сыновъ и дщерей Его. И по справедливости: есть-

а) Матѳ. 19. ст. 11 — 12.

ли разсмотримъ монашескую жизнь со всѣхъ сторонъ ея, то увидимъ, что она есть жизнь небесная, а не земная; Ангельская, а не человѣческая.

Ангели суть дѣвственники нетлѣнные; Ангели суть непричастны суеты міра; они, имѣя безконечное продолженіе жизни своей, посвящены въ волю Всевышняго. Иноки также обѣщаются хранить дѣвство, совлекаются отъ пристрастія мірскаго. Вся жизнь ихъ обращена быть должна на служеніе Богу, чтобы человѣкъ на земли провождалъ жизнь подобную Ангельской на небеси: чтобы человѣкъ, плоть носящій, жилъ подобно Ангеламъ духовнымъ, безтѣлеснымъ: великъ есть поистинѣ подвигъ, славное дѣлосовершеніе! Невѣсто Іисуса Христа! кто силенъ похвалить мысль твою, и ублажить предпріятіе твое? Кто можетъ тебѣ представить славу и воздаянія, уготованныя тебѣ отъ Жениха твоего, когда окончишь сей высокій подвигъ? Ты вознамѣрилась проходить жизнь Ангельскую; то Ангели только могутъ достодолжно похвалить высокую жизнь, тобою избранную. Они сильны представить тебѣ красоты и свѣтлости того именитаго мѣста, которое Богъ тебѣ уготовалъ. А я ничего не могу тебѣ сказать, какъ только, какое есть твое дѣло. Ангельское дѣло есть молитва, увѣряетъ Божественный Златоустъ: »Дѣло бо Ангеловъ молитва.« И ты избрала жизнь Ангельскую; молитва убо твое есть дѣло. О молитвѣ и я хочу бесѣдовать, и представить, что умственная молитва есть молитва истинная и Богу весьма благопріятная.

»И отпустивъ народы, взыде на гору единъ помолитися« (а)

Всякое слово Спасителя нашего Іисуса Христа есть ученіе, исполненное душевнаго наставленія и небеснаго увѣщанія. Всякое дѣйствіе его есть зерцало,

---

(а) Мат. 14, ст. 23.

въ коемъ найдешь примѣръ всякаго рода, довольный привести тебя въ духовное совершенство. По ипостасному соединенію, которое имѣло человѣчество Іисуса Христа, былъ нераздѣленъ Іисусъ Христосъ отъ Бога, и посвященъ всегда на славословіе Божіе. И такъ Господь, когда хотѣлъ дѣяти молитву Свою, не имѣлъ нужды убѣгать людей, удаляться въ пустыню, восходить на высокія и лѣсистыя мѣста. Почто убо отпускаетъ народы, восходитъ на высокое мѣсто, пребываетъ на верху горы? Для насъ все то дѣлается, въ образъ намъ: хочетъ Богочеловѣкъ научить насъ дѣятельно, какая есть молитва Ему благопріятная: и для того уклоняется отъ народа, восходитъ одинъ на гору. Народъ есть страсти наши, которыя стужаютъ намъ и возмущаютъ сердце наше. Народъ есть мірскія суеты, которыя смущаютъ и обуреваютъ душу нашу. Народъ есть плоть наша, которая стуженіемъ похотей своихъ совершенно препятствуетъ спасенію нашему. Отпускаетъ убо народы Господь, когда хочетъ молиться, да мы научимся, что подобаетъ намъ отлучать себя отъ страстей своихъ, оставлять мірскія суеты, умерщвлять похоти плоти нашея, когда хотимъ помолитися. Но почто восходитъ на гору? Для того ли, чтобъ и мы восходили на горы въ часъ, въ который хотимъ молиться? Нѣтъ. Почто представляете себѣ горы вещественныя и земныя? »Вскую непщуете горы усыренныя?« Это есть гора, въ которой Богъ благоволитъ жить. »Гора, юже благоволи Богъ жити въ ней« (а). Въ духовномъ смыслѣ гора означаетъ небо. Почему туда подобаетъ намъ восходити въ часъ нашея молитвы. Но какъ можно намъ взойти на небо, когда въ узахъ держитъ насъ бренное сіе тѣло? »Единъ.« Подобаетъ однимъ намъ восходить на небо, а не должно брать и тѣло. »Взыде на гору единъ помолитися.« Безъ тѣла, безъ стра-

(а) Псал. 67, 17.

стей, безъ плотскія похоти подобаетъ намъ умъ свой единъ возносить на небо, когда хотимъ молитися. Сія есть истинная молитва, потому что самъ Богъ научилъ насъ ей дѣйствительнымъ примѣромъ: и сія есть вся умственная, какъ видите, поелику она есть восхожденіе ума нашего на небо.

Такова была молитва чудной оной жены, Анны, говорю, матери Самуила, великаго Пророка. Возвела она умъ свой на небо, прилѣпила душу свою къ Богу, молилась сердцемъ своимъ, мало двигала уста свои, глась не исходилъ изъ устъ ея. »И та глаголаше въ сердцѣ своемъ, токмо устнѣ ея двизастѣся, а глась ея не слышашеся.« Илій священникъ, когда видѣлъ ее столько времени какъ въ изступленіи находившуюся, и не слышалъ со всѣмъ гласа ея, думалъ, что она виномъ исполнена. »И мняше ю Илій піяну сущу, и рече ей Илій: »доколѣ піяна будеши? отъими вино твое, и иди отъ мѣста Господня.«

Тогда она ясно сказала: я вина не пила, я дѣяла молитву, умъ мой возводила на небо, душу предлагала предъ Господа. »Вина и піянства нѣтихъ, но изливаю предъ Господемъ душу мою« (а). Таковая молитва столь совершенна явилась предъ Богомъ, и столь была Ему угодна, что Онъ тотчасъ великое низпославъ возмездіе, разрѣшилъ узы неплодства ея, даровалъ ей сына — великаго Пророка Самуила.

Нѣкоторые изъ монашествующихъ велегласно молятся, громко поютъ, стоятъ прямо, преклоняютъ колѣна, воздѣваютъ руки: но не возводятъ умъ свой на небо, сердце ихъ не молится, отъ чего не пріобрѣтаютъ никакой пользы душѣ своей. Когда во время молитвы не молится умъ нашъ; то гласы, псалмы и виды тѣлесные суть какъ бы безплоднаго дерева листы. Приходитъ земледѣлецъ къ дереву; тогда листы

(а) 1 Цар. I, ст. 13, 8 слѣд.

увеселяютъ зрѣніе его, когда видитъ съ цвѣтами ихъ соединенныхъ потому: что надѣется отъ того древа и плодъ собрать. Взираетъ Богъ на молящихся, и когда видитъ, что внутренія движенія души нашей сопряжены со внѣшними тѣлесными видами, тогда услаждается псалмами нашими, благоволитъ о гласѣ нашемъ, пріемлетъ рукъ простертіе и преклоненіе колѣнъ: понеже знаетъ, что послѣ отъ сихъ приходитъ сокрушеніе сердечное, которое есть духовный плодъ души нашей. — Опечаленный земледѣлецъ удаляется, когда на древѣ не найдетъ другаго, кромѣ листовъ. Равно оскорбленный Богъ отступаетъ отъ молящагося, когда другаго не узритъ въ немъ, кромѣ псалмовъ и громогласнаго пѣнія. Богъ во время молитвы требуетъ ума нашего, и тотъ, который посвящаетъ умъ свой Богу, истинную дѣетъ молитву, и Богъ скоро его услышитъ.

Увѣщавалъ нѣкогда Моисей Пророкъ Евреевъ, чтобы они искали свободы отъ мучительства Фараонова, чтобы ночью тайно избѣгли изъ Египта. Ужасаются Евреи, весьма страшатся Фараона: но Моисей души ихъ наполняетъ мужествомъ. Самъ выводитъ ихъ изъ Египта, и ведетъ ихъ до моря между Магдоломъ и противъ Веельсефона. Какъ скоро Фараонъ увидѣлъ, что Евреи побѣжали, тотчасъ береть шестьсоть колесницъ со всадниками ихъ, и всю конницу Египетскую, и гонитъ, дабы постигнуть убѣжавшихъ. Узнаютъ Израильтяне, что Фараонъ гонится за ними позади съ толикою силою, видятъ, что къ нимъ приближается, бѣгутъ всѣ къ Моисею и говорятъ: Не говорили-ли мы тебѣ прежде: остави насъ въ Египтѣ, да будемъ рабы, и да не будетъ въ опасности жизнь наша; а ты насъ вывелъ въ сію пустыню, да всѣхъ насъ умертвитъ Фараонъ? Но Моисей ободряетъ ихъ. Молчите, говоритъ имъ, не бойтеся, надѣйтеся на силу Божію. И въ такомъ состояніи молится умомъ своимъ къ Богу. Богъ тотчасъ услышалъ оную умственную молитву. Мои-

сее (говоритъ ему), »что вопіеши ко мнѣ« (а)? А Моусей не просилъ велегласно, не слышанъ былъ гласъ его, не двигались уста его. »Что вопіеши ко мнѣ?« Сіе ему сказавъ, Господь явилъ потомъ ему способъ, которымъ онъ раздѣлилъ море надвое: и прошли Израильтяне посредѣ моря, яко по суху. Тогда помыслилъ Фараонъ, что и онъ пройдетъ, взошелъ въ слѣдъ ихъ: но море возвратилось опять на свое мѣсто, и онъ погрязъ въ водахъ. Нигдѣ ни въ ветхомъ, ни въ новомъ Завѣтѣ не видно, чтобъ Богъ сказалъ какому человѣку во время молитвы его: что вопіеши ко мнѣ; хотя многіе приносили ему гласно молитву съ воздѣяніемъ рукъ. Когда Моусей умомъ своимъ только молился, то Богъ сказалъ оныя слова, да покажетъ намъ, что молитва, приносимая умомъ, имѣетъ гласъ, который достигаетъ даже до неба, и имѣетъ силу, которая входитъ во уши Господа Бога.

Хотя Богочеловѣкъ Іисусъ и дѣятельнымъ примѣромъ Своимъ показалъ, какая есть истинная молитва: однако не оставилъ въ небесномъ ученіи Своемъ законоположить способъ, какъ подобаетъ молитися, да будетъ благопріятна Богу молитва наша. »Ты же, егда молишися, вниди въ клѣть твою, и затворивъ дверь твою, помолися Отцу твоему иже въ тайнѣ« (б) Клѣть души нашей есть тѣло, двери-чувства наша. Душа входитъ въ клѣть свою, когда не скитается въ сустѣ мірской. Страсти затворяются и пребываютъ бездѣйственны, когда непозволяемъ имъ прилѣпляться къ чувственнымъ и видимымъ вещамъ сего міра. Такимъ образомъ умъ, пребывая свободенъ отъ всякаго вещественнаго и тѣлеснаго пристрастія, восходитъ къ Богу чрезъ сокровенную и тайную молитву. Зритъ сіе тайновидѣцъ Богъ, вскорѣ пріемлетъ, и воздастъ великими и явными воздаяніями.

а) Исход. гл. 14, ст. 15.

(б) Мат. гл. 6. ст. 6.

»И Отецъ твой видяй въ тайнѣ воздастъ тебѣ явѣ.« Молитва сокровенная есть истинная молитва; молитва умственная есть молитва дѣйствительная. Муро, чѣмъ больше запираешь въ ковчегъ, тѣмъ паче благоухаетъ ковчегъ, содержащій его. Чѣмъ больше молитву заключаешь въ умѣ твоемъ, тѣмъ больше наполняешь душу твою Божіею Благодатію.

И отсюда познаемъ, какой разумъ имѣетъ заповѣдь Божественнаго Апостола. Павелъ Апостолъ, который зналъ больше, нежели какой либо другой человѣкъ сколь велика сила молитвы, заповѣдалъ намъ никогда не прекращать оную, но непрестанно и непрерывно молиться. »Непрестанно молитеся« (а). Которые не знаютъ, какая есть истинная молитва, думаютъ, что Апостольское заповѣданіе сохранить не возможно. А познавшіе, что молитва есть посвященіе ума нашего Богу, видятъ, что заповѣдь сія весьма легка, и что Апостолъ не завѣщавалъ дѣла невозможнаго. Ибо когда сказалъ, да молимся непрестанно, то цѣль заповѣди его была та, чтобъ мы молилися умомъ, и сему быть весьма возможно. Можетъ инокъ и во время рукодѣлія, ястія и питія молитися молитвою благоугодною и истинною. Тѣломъ рукодѣльствуетъ, а умомъ молится. Внѣшній человѣкъ служитъ необходимымъ нуждамъ, а внутренній человѣкъ посвящается на служеніе Богу. Можетъ инокъ всегда исполнять то, къ чему нудитъ естественная необходимость, и никогда не оставлять духовнаго дѣла, котораго требуетъ чинъ его. Блаженна будетъ душа твоя, честная дѣво! ежели пріобыкнеши къ небесному ученію, и ежели восхощеши, чтобъ умственная молитва была всегдашнее твое рукодѣліе. Ею угасиши пламень пожеланій твоихъ: какъ три отроки погасили огнь пещи Вавилонскія. Ею укротиши волны страстей: понеже ею и

(а) I. Сол. гл. 5, ст. 17.

Даніилъ укротилъ лютость львовъ. Она будетъ державное оружіе, коимъ побѣдивши искушенія лукавыхъ демоновъ, какъ Давидъ ею потребилъ всю силу гордаго исполина. Умственная молитва низведетъ росу благодати въ сердце твое: какъ Илія моляйся низвелъ дождь на гору Кармильскую. Она есть оміамъ, къ небу возносящійся, и восходитъ даже до Престола Божія. Хранится она въ златыхъ чашахъ, да благоухаетъ ее Господь. »И двадесять и четыре старцы падоша предъ Агнцемъ, имуще кійждо гусли. И фіалы златы полны оміама, иже суть молитвы святыхъ« (а). Умственная молитва есть свѣтъ, который просвѣщаетъ всегда душу человѣческую, и возжигаетъ ее пламенемъ Божественныя любве. Она есть цѣпь, которая связуетъ Бога съ человѣкомъ. О великая благодать умственныя молитвы! Ею человѣкъ всегда собесѣдуетъ съ Богомъ. О дѣло изящное и чудное! Буди на земли тѣломъ, но да обрѣтаешися на небесахъ духомъ. Буди купно съ человѣки тѣлесно, но да обрѣтаешися вмѣстѣ съ Богомъ умственно. Ангели не имѣютъ вещественнаго гласа, ниже бренныхъ устъ, какъ у насъ, умомъ токмо Богу приносятъ непрестанное славословіе. Сіе дѣло ихъ, на сіе посвящена вся жизнь ихъ. Когда и ты войдеши въ клѣть твою, затвориши дверь твою, и будеши молитися всегда мыслію твоею умственно: то будеши подобна Ангеломъ. И Отецъ твой, видяй таинственную молитву, тобою приносимую въ сокровенномъ мѣстѣ, великія мздовоздаянія и вѣнцы воздастъ тебѣ явѣ. »Дамъ имъ въ дому моемъ и во оградѣ моей мѣсто именито, лучшее отъ сыновъ и дщерей. Имя вѣчное дамъ имъ, и не оскудѣетъ.« Аминь.

(а) Апок. гл. 5, ст. 8.

СЛОВО 4.

ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ НА ТОТЖЕ СЛУЧАЙ.

Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю: и иже аще погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю.

Мат. 16, ст. 25.

Отецъ твой и матерь твоя оставили тебя: взошли они въ вѣчное отечество свое насладиться неизреченною Бога Всевышняго славою. Таковую надѣжду мы имѣемъ, понеже скончали они жизнь свою благочестно и православно: понеже въ покаяніи и исповѣданіи воспріялъ ихъ Господь. А тебя, оставленную родителями, Господь пріялъ тебя подъ кровъ свой, и далъ тебѣ совѣтъ благій и святый. »Отецъ мой и мати моя остависта мя, Господь же воспріятъ мя« (а). Сіе поистинѣ тебѣ болѣе другихъ потребно часто припѣвать купно съ Давидомъ. Твой отецъ и матерь твоя тебя оставили; но Господь пріялъ тебя на свои руки и просвѣтилъ Своею благодатію, да избѣжиши міра, удалишися отъ дому отца твоего, презриши сусту, видеши въ священное сіе убѣжище, облечешися въ Ангельскій образъ и избереши иноческую жизнь. Жизнь сія поистинѣ есть вся небесная и духовная. Оттуда, гдѣ міръ, она убѣгаетъ: понеже жительствуетъ тамо,

(а) Псал. 26, ст. 10.

гдѣ нѣтъ мудрованія міра. Тамо, гдѣ покой тѣлесный умерщвляется: потому что она живетъ въ изнуреніяхъ тѣла. Тамо, гдѣ плоть умираетъ: ибо она совершенно есть духъ. Двѣ жизни человѣческія: жизнь духовная, и жизнь плотская. Житіе духовное есть истребленіе житія тѣлеснаго. А жизнь тѣлесная есть смерть духовной жизни. Одна умерщвленіемъ другой живетъ. Жительствуетъ духовная, умираетъ тѣлесная. Живетъ тѣлесная, умерщвляется духовная. »Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю. И иже аще погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю.« Плоть и духъ суть двѣ вещи весьма противныя, хотя толь тѣсно сопряжены. Смерть плоти толико животворитъ душу нашу, что одна объ ней память заставляетъ се тещи путемъ добродѣтели и искать всемѣрно спасенія своего. Память о смерти умерщвляетъ всѣ силы тѣлесныя, и оживотворяетъ стремленіе къ добродѣтели. Иноческая жизнь есть вся духовна.

Убо инокъ, когда помнитъ о смерти, живетъ тою жизнію, которую рѣшился проходить. Дѣва Богопросвѣщенная! я вижу, что тебѣ вещь одна потребна, да совершиши путь, на коемъ Богъ тебя поставилъ. Подобаетъ, да совершенно забудеши жизнь и имѣеши всегда смерть предъ очами твоими. Сіе дѣло не трудное, не требуетъ многихъ подвиговъ: но совѣмъ тѣмъ не позволитъ уму твоему возвратиться къ сустѣ, утвердитъ сердце твое въ добродѣтельной жизни, заставитъ тебя обращаться Богоугодно въ монашескомъ житіи. Понеже память смертная есть жизнь души, какъ теперь о томъ хочу я предложить.

Ежели мы не понимаемъ совершенно качества вещи, то не можемъ подлинно, или сколько надлежитъ, ее почитать, или презирать ее, сколько должно. И оттого случается намъ имѣть толь великую любовь къ мірской жизни, толь великое снисхожденіе къ себѣ самимъ. Многія суть зеркала, въ коихъ зримъ

видъ лица нашего. Мы видимъ лице свое въ водѣ, видимъ его въ ясныхъ и гладкихъ металлахъ, видимъ въ нѣкоторыхъ глиняныхъ и стеклянныхъ сосудахъ. Зеркаломъ, наконецъ, для лица нашего бываетъ всякое ясное, гладкое и ровное тѣло: хрустальное зеркало предъ всѣми оными имѣетъ преимущество. Въ прочихъ зеркалахъ видимъ только образъ лица нашего, но не различаемъ чертъ. А въ хрустальномъ зеркалѣ видимъ ясно не токмо образъ, но и черты, цвѣтъ, мѣру и все расположеніе лица нашего. Многія суть духовныя зеркала, въ коихъ можемъ видѣть самихъ себя. Непостоянство богатства есть зеркало, въ коемъ усматриваемъ, что всякое земное щастіе не твердо. Но это не есть мы сами, а нѣкоторый образъ насъ самихъ. Перемѣна, которой подлежатъ чести и достоинства, есть зеркало, въ коемъ усматриваемъ, что слава мірская непостоянна: но это не есть мы сами, а образъ насъ самихъ. Болѣзнь и старость суть два зеркала, въ коихъ усматриваемъ, что перемѣняется природа наша и увядаетъ, яко цвѣтъ: но ниже сіе есть мы сами. Во всякой, наконецъ, вещи мірской мы можемъ самихъ себя видѣть, но ничего другаго не видимъ, какъ только тѣнь самихъ себя. Смерть есть лучшее изъ духовныхъ зеркалъ, кои можемъ употреблять. Въ зеркалѣ смерти мы ясно видимъ не только то, что около насъ, но и бытіе и состояніе собственно насъ самихъ. Мы тутъ узнаемъ, что всѣ благополучія наши суть яко роса, которую теперь видимъ предъ собою, но которая мало послѣ того теряется изъ глазъ нашихъ: что красота лица нашего, и сила тѣлесная, суть яко трава, которая теперь зеленѣетъ въ поляхъ, а потомъ видишь ее изсохшею: что вся наша жизнь яко сонъ, который ты въ ночи видѣлъ, но тотчасъ его забываешь. Въ зерцалѣ смерти видимъ наконецъ, что все сіе тѣло не что иное есть, какъ малая персть. Для сего убо имѣетъ толь великую силу память смертная. Она,

ясніе всякой другой вещи, представляетъ намъ, что̀ суть вещи міра, что̀ есть жизнь наша, что̀ есть все состояніе наше. И какъ скоро узримъ тамо, что всѣ вещи суетны, что жизнь наша, и что мы сами малый прахъ: то презираемъ тотчасъ сію тѣлесную жизнь, и все наше раченіе посвящаемъ духовной жизни.

Древніе подвижники весьма хорошо понимали, что размышленіе о смерти есть пища, которая даетъ жизнь душѣ человѣческой. Почему смерть была упражненіемъ ихъ день и ночь. Великій Ѳеодосій, общежитія начальникъ, дабы послучаю не вышла когда-либо изъ мысли память смертная, нѣкопалъ себѣ гробъ, ходилъ часто и смотрѣлъ на него, долго стоялъ надъ нимъ, и толикое получалъ отъ сего усердіе къ дѣламъ своего званія, что никто не могъ съ нимъ сравниться Память о смерти умерщвляла совершенно тѣло его, возбуждала въ его духѣ Божественную любовь, заставляла его совершать многіе подвиги, поощряла его украшать душу свою великими добродѣтелями.

Великая подлинно есть сила, которую имѣетъ надъ нами смерть Богъ, яко всемогущій, можетъ присутствіемъ Своимъ и умъ нашъ просвѣтить на добродѣтель, и сердце утвердить на дѣла благія. А смерть, хотя не всемогуща, и потому память о ней не можетъ преподать душѣ силу и намъ благодать: однако чувство присутствія Божія и память смертная суть двѣ вещи равно сильныя. Сіе кажется невѣроятно и весьма дивно: но совсѣмъ тѣмъ справедливо и истинно. Какое дѣйствіе имѣетъ на человѣка присутствіе Божіе, такое же оказываетъ и память смертная. Многократно Богъ бесѣдовалъ съ Авраамомъ: являлся ему, когда повелѣвалъ ему изыйти изъ отечества своего и оставити сродниковъ своихъ; явился предъ нимъ у дуба Мамврійскаго, и обѣщалъ ему сына и наслѣдника; долго бесѣдовалъ съ нимъ, когда вознамѣрился раззорить Содомъ; въ другой разъ явился ему,

когда повелѣлъ принести на жертву, какъ овча, сына Исаака на высокой горѣ. Всѣ явленія и разглагольствія Божія съ Авраамомъ были прежде, нежели Авраамъ стяжалъ гробъ свой: какъ скоро уготовалъ онъ гробъ свой въ Хевронѣ, съ того времени Богъ прекратилъ собесѣдованіе съ нимъ, и не являлся уже къ нему. Хотя въ старости своей Авраамъ бо́льшую имѣлъ нужду видѣть Бога, дабы подкрѣпить безсиліе и слабость свою и усилить попеченіе о душѣ своей: но Богъ больше не имѣлъ съ нимъ видимаго сообращенія. Гробъ былъ тому причиною. Прежде, нежели стяжалъ гробъ свой Авраамъ, не была смерть глубоко написана въ памяти его: потому опасно было, чтобъ не погасло усердіе его и не уменьшилася любовь его къ Богу. Для того отъ времени до времени разглагольствовалъ Богъ съ нимъ, да видитъ и просвѣщается душа его. По стяжаніи же гроба своего, Авраамъ запечатлѣлъ въ умѣ своемъ часъ смерти своей. Почему память смертная пробуждала душу его, и дѣлала усернымъ ко всякому доброму дѣлу. Что̀ дѣйствовалъ Богъ своимъ присутствіемъ въ Авраамѣ, то самое исполняла и смерть, напоминаніемъ ея. Богъ придавалъ Аврааму присутствіемъ Своимъ ревность и стремленіе къ добрымъ дѣламъ: и смерть памятію объ ней влагала въ сердце Аврааму теплоту и любовь къ духовнымъ подвигамъ. Духовнымъ житіемъ жилъ Авраамъ, доколѣ видѣлъ Бога: святую жизнь проходилъ и тогда, когда началъ вспоминать о смерти. Украшалъ душу свою Авраамъ вѣрою, любовію и всякими другими добродѣтелями, доколѣ зрѣлъ лице Божіе. Со страхомъ Божіимъ, съ надеждою блаженства и съ другими благими дѣяніями оканчивалъ прочее время живота своего Авраамъ съ того времени, когда началъ помнить о часѣ смерти своея. О смерть, бладѣтельница наша! намъ не подобало называть тебя смертію: поелику одно воспоминаніе о тебѣ даруетъ жизнь душѣ нашей. Блаженъ

убо тотъ, кто всегда имѣетъ смерть предъ очами своими! Онъ подлинно есть древо, какъ говоритъ Давидъ, насажденное при исходищахъ водъ. Напаяетъ сердце его память смертная водами усердія. Посему онъ во всякое время даетъ духовные плоды: никогда не охладѣваетъ теплота души его, поощрятся всегда на духовные подвиги, никогда не отпадаетъ отъ жизни духовной.

Два наши духовные прародители не жили въ раю плотскою жизнію, но ихъ жизнь была духовная, небесная. Свободны они были отъ страстей плотскихъ, преданы славословію Божію. Молитва была дѣломъ ихъ, богослуженіе было ихъ упражненіемъ. Богъ, безконечный, мудростію и разумомъ пресовершенный, другаго не изобрѣлъ приличнѣе способа, да сотворитъ ихъ твердыми, непоколебимыми въ духовномъ состояніи, какъ вообразитъ въ умѣ ихъ напоминаніе смерти. »Въ онь же аще день снѣсте отъ него, смертію умрете« (а). Сіе, говоритъ имъ Богъ, имѣйте напечатлѣнно въ умѣ вашемъ: что какъ скоро прострете руки ваши къ плоду, умрете. Смерть да будетъ всегда предъ глазами вашими! Сіе благоугодно было Богу потому, что могло предостерегать ихъ отъ паденія, и содержать въ безгрѣшномъ жительствѣ. Діаволъ, слышавъ, какимъ оружіемъ вооружилъ Богъ душу ихъ, понималъ, что не возможно ихъ побѣдить, доколѣ хранятъ память о смерти: для того предпріялъ истребить смерть изъ памяти ихъ: поелику увѣренъ былъ, что потомъ вскорѣ отпадутъ отъ чудной оной жизни. Подходитъ убо къ Евѣ, слабѣйшей сторонѣ, и говоритъ: почто воздерживаешься отъ вкушенія онаго плода! отвѣдай его, и увидишъ, какъ онъ сладокъ, какъ утѣшитъ душу твою. Ева, имѣвши въ умѣ своемъ смерть, тотчасъ противостала ему. Богъ (говоритъ она ему) сказалъ, что умремъ, не

(а) Быт. гл. 2, ст. 17.

только естьли вкусимъ, но естьли и приближимся къ плоду сему, который снѣсти ты склоняешь меня. »Отъ древа же, еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте отъ него: а въ онь же аще день снѣсте отъ него, смертію умрете« (а). А что такое смерть (отвѣтствовалъ ей змій)? гдѣ ты когда смерть видѣла? Не возможно вамъ умрети: »не смертію умрете.« Богъ васъ сотворилъ для жизни: убо не умрете. »Не смертію умрете.« Богъ даровалъ вамъ жизнь, то не можно ее погубить. »Не смертію умрете.« Богъ создалъ васъ, да имѣете жизнь и бытіе: то не льзя ихъ восхитити Ему. »Не смертію умрете.« Повѣрила Ева, что не умретъ, что смерть не для нея. И такъ изъ ума ихъ истребилъ діаволъ мысль о смерти, изобразилъ понятіе о жизни такъ, что Ева увѣряла и Адама, что нѣтъ для нихъ смерти: въ чемъ и успѣла. Простерла потомъ вскорѣ руки ко древу, сорвала плодъ, вкусила и подала мужу своему. И такъ, доколѣ первозданные смерть имѣли въ умѣ своемъ, были безгрѣшны: а какъ удалилась отъ нихъ память смертная, сотворилися грѣшниками. Доколѣ о смерти помнили, были послушны повелѣнію Божію: какъ скоро забыли о смерти, содѣлалися презрителями Господней заповѣди. Доколѣ поучалися въ смерти, были мертвы пожеланія тѣлесныя; было живо дѣйствіе духа ихъ: а какъ только оставили поученіе смерти, умертвилося желаніе духа, оживилася похоть тѣлесная. Потеряли они память о смерти; и тотчасъ обнажилися отъ добродѣтели, лишилися нетлѣнія, оставили жизнь по Бозѣ, начали жить жизнію тѣлесною. Имѣли память смертную, — и были украшены всѣми добродѣтелями, имѣли красоту безсмертія, провождали жизнь безстрастную и небесную. Толикую силу имѣетъ смерть! Тако воспоминаніе о смерти дѣйствуетъ на души человѣковъ! О блажень я, когда

(а) Быт гл. 2, ст. 17.

имѣю смерть предъ глазами моими! Математики дѣлаютъ нѣкоторыя зеркала, кои называютъ военными, поелику усматриваютъ въ нихъ, какія войскъ движенія. Въ чудномъ зерцалѣ смерти гораздо яснѣе вижу я, какое есть состояніе всего міра. Открываю гробы, чтобъ видѣть, кто есть богатый и кто убогій, кто царь, кто воинъ: все нахожу равнымъ, нѣтъ никакого различія. Ищу лица, которое блистало красотою: голой вижу черепъ безъ кожи, безъ тѣла, сухія челюсти, другимъ подобныя. Ищу сильнаго, чтобъ видѣть силу его: вижу неподвижныя кости, лишенныя силъ своихъ. Ищу богатаго, который одѣвался златошвенными одеждами: не нахожу ничего, ничего здѣсь не различаю. Обращаясь туда и сюда, не вижу кромѣ персти: нѣтъ никакого различія между однимъ тѣломъ и другимъ: гниль, черви, кости, вотъ дивныя вещи міра! вотъ тѣло тлѣнное, которому хочетъ всякій ласкательствовать! Таковое умозрѣніе умерщвляетъ силы тѣлесныя, воскрешаетъ души нашея желанія. Таково свойство памяти смертной! Память о смерти тѣло умерщвляетъ, но животворитъ духъ.

Сестро моя возлюбленная! какъ избрала ты благую часть, яко мудрая Марія, и вознамѣрилася жить жизнію духовною и Богоугодною: напечатлѣй въ умѣ твоемъ мысль о смерти твоей: имѣй въ умѣ твоемъ всегда, что скоро пріидетъ часъ смерти твоей, въ который врачи не излѣчаютъ, врачевства не пользуютъ, оставляютъ друзья и сродники, понеже никакой помощи подать не могутъ: часъ, въ который придетъ страшная смерть и лютая, яко левъ. Пріидутъ Ангели, хранители души твоея: но придутъ и демоны, враги и навѣтники спасенія твоего. Ангели кротко и мирно пріимутъ душу, демоны не милостиво ищутъ ее похитить. Когда демоны увидятъ, что жизнь твоя была плотская, несообразная твоему обѣту, какъ дикія звѣри устремятся ее восхитить.

Ангели отступятъ съ прискорбіемъ, понеже останутся побѣжденны. Но естьли жизнь твоя будетъ добродѣтельная и духовная, какъ ты обѣщалася Создателю твоему: то отбѣгутъ далече демоны, будучи посрамлены: удалятся въ подземныя мѣста. Ангели свѣтлые съ великою радостію возмутъ духъ твой, да представятъ предъ Господемъ. Таковыя душеспасительныя размышленія имѣй всегда въ умѣ твоемъ. Память смерти — крѣпкій стражъ добродѣтели, небесныя души нашея пища, свѣтъ просвѣщающій ее, вино, которое веселитъ ее, хлѣбъ, который оживляетъ ее. Богъ двѣ книги вручилъ человѣку: книгу жизни, и книгу смерти. Кто упражняется въ книгѣ жизни, тотъ изучаетъ уроки смерти: кто читаетъ книгу смерти, тотъ учитъ уроки жизни. Кто смотритъ въ книгу жизни, тотъ напишется въ книгѣ смерти: и кто поучается въ книгѣ смерти, того напишетъ Богъ въ книгѣ жизни. Поучайся убо въ смерти всегда, да живетъ вѣчно душа твоя. Аминь.

ПОГРѢШНОСТИ.

НАПЕЧАТАНО.			ДОЛЖНО ЧИТАТЬ.
стр.	стр.		
1 заглав.	4.	облекалась	облеклась.
—	5. сн.	бывшемъ	бывшимъ.
7.	1.	Багу	Богу
9.	7.	котурую	которую
—	2. сн.	опять	опять,
10.	3. сн.	Голгоѳы	Голгоѳы и
13.	7.	меду	меда
—	—	посл. Іса	Іоа
17.	20.	снишелъ.	снизшелъ.
19.	14.	царттвующій.	царствующій
—	2. сн.	Апоко.	Апок.
26.	2.	соединенныхъ по-тому:	соединенныхъ: потому
34.	3 сн.	бладѣтельница	благодѣтельница

450

2004161643